

УДК 821.161.1.09"18"

**ПОВЕСТИ ТУРГЕНЕВА 40–50-х ГОДОВ XIX ВЕКА.
ВОПРОС ОБ «ОНЕГИНСКОЙ» ТРАДИЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ**

Т.Г. Дубинина

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об отношении И.С. Тургенева к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в 40–50-х годах XIX века. На примере повестей «Бретер» и «Два приятеля» исследуется попытка творческого полемического диалога писателя с его великим предшественником. Тургенев исследует характеры «Евгения Онегина» с точки зрения их жизненности, современности. Прибегая к приему травестирования, писатель в своих повестях критически переосмысливает пушкинское наследие, что станет важным этапом для продолжения «онегинской» традиции уже в его романах.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, повести, «Евгений Онегин», традиция.

Художественное наследие А.С. Пушкина оказало огромное влияние на все творчество И.С. Тургенева, что отмечали многие видные исследователи – А. Цейтлин [1], А.И. Батюто [2], Г.Б. Курляндская [3], В.Д. Сквозников [4]. И.А. Беляева [5] и А.А. Бельская [6] в ряде своих работ убедительно доказывают, что для Тургенева особое значение имел роман «Евгений Онегин». Это произведение Пушкина было важной частью внутренней творческой полемики писателя, особенно в период становления его художественной индивидуальности, в 40–50-х годах XIX века. С особой очевидностью это проявилось в его стихотворных новеллах «Параша», «Помещик», «Андрей», в которых Тургенев постоянно возвращался к так называемой онегинской ситуации – проблеме соотношения любви и долга, их значения в жизни человека.

Можно признать, однако, что свое отношение к «онегинской» традиции Тургенев выразил не только в своих ранних стихотворных опытах, но и в первых повестях, таких как «Бретер» (1847) и «Два приятеля» (1854). И в той, и в другой повести лейтмотивом проходит мысль о мелочности и пошлости главных героев, которые являют собой варианты современного Онегина, каким он представлялся Тургеневу в те годы. Интересно отметить, что если в стихотворных новеллах писатель исследует преимущественно проблему любви, возможности существования высокого чувства в границах всего земного и сугубо человеческого, тем самым избирая главными героями своих произведений «потомков» Татьяны и Онегина, то во многих повестях он делает иной акцент. Его в большей степени интересует проблема сосуществования людей в современном обществе и своеобразное столкновение, «диалог» их мироощущений. Тем самым

к линии *Онегин – Татьяна*, которая активно разрабатывалась в стихотворных новеллах, добавляется линия *Онегин – Ленский*. Конечно, в любом случае любовь остается одной из главных духовно-проблемных ситуаций, во многом определяющих специфику творчества писателя, но некое «расширение» проблемного ряда, восходящее к сюжетным коллизиям пушкинского романа, очевидно.

Отношения героев повестей Тургенева во многом напоминают отношения пушкинских героев: как Онегин и Ленский, Кистер и Лучков («Бретер»), Крупицын и Вязовнин («Два приятеля») – люди очень разные, почти во всем противоположные друг другу. Как для Онегина Ленский, так для Лучкова Кистер – единственный, с кем он поддерживает дружеские отношения. Они познакомились случайно, и общение их началось с вызова на дуэль, то есть с момента, свидетельствующего о предельной противоположности двух будущих «приятелей». Однако впоследствии Авдей Иванович не стал отталкивать доброго, мягкого Федора Федоровича, более того, сам протянул ему руку дружбы. Возможно, одинокое положение в полку было Лучкову не совсем приятно, ведь он любил обращать на себя внимание. Онегин также заводит дружбу с Ленским от скуки, изначально они «от делать нечего друзья» [7, с. 37].

Само название повести «Два приятеля» заставляет нас сравнивать Вязовнина и Крупицына. На первый взгляд может показаться, что если Вязовнина можно сравнить с Онегиным (тем более что такое сравнение в тексте присутствует в размышлениях Вязовнина: «...но хорош мой Ленский и хорош я, Онегин!» [8, с. 346]), то необразованный, простоватый Крупицын никак не может быть близок к Ленскому. Однако переключки все же есть.

Как и в «Евгении Онегине», дружба героев тургеневской повести «Два приятеля» в известной степени парадоксальна: они достаточно разные люди. Но Крупицын – единственный сосед, с которым Вязовнин свел знакомство, так же как и Ленский – единственный из соседей, кто был выбран Онегиным в друзья. Более того, в романе Пушкина знакомство происходит благодаря Ленскому, в повести Тургенева – благодаря Крупицыну. Вязовнин, несомненно, сложнее Крупицына, он больше видел, больше знает, не так наивен, но он и холоднее, рациональнее. В нем нет того живого и непосредственного начала, того человеческого тепла и чистоты, которые присущи его приятелю. Показателем тут является отношение героев к Вере: если Вязовнин начинает достаточно быстро тяготиться своим семейным положением, скучать, то Крупицын никогда не испытывает таких чувств. Видимо, он полюбил Веру на всю жизнь, и брак их счастлив – не случайно именно в этом браке рождаются дети, как не случайно и то, что старик Барсуков, отец Веры, переезжает к ним в дом именно после свадьбы Веры и Крупицына.

Тут важно отметить, что в поэтических произведениях Тургенева «Онегин», как правило, женится на «Татьяне». Тургенев как будто дописывает историю пушкинских персонажей («Параша», «Андрей»). Ставя героев в ситуацию семейного счастья, он как будто испытывает их, да и вообще человеческие чувства, на прочность перед лицом вечности. Как правило, никто из них этой проверки не проходит. Любовь оборачивается привычной успокоенностью, и все живое, что было в героях, постепенно умирает. В «Двух приятелях» такое случается и с Вязовниным, и с Крупицыным, хотя первый откровенно скучает в браке с Верой,

а второй наслаждается иллюзией счастья: «Петр Васильич, его жена, все его домашние проводят время очень однообразно – мирно и тихо; они наслаждаются счастьем... потому что на земле другого счастья нет» [8, с. 379].

Несомненно, Тургенева интересуют судьбы современных ему Ленского, Татьяны и Онегина.

В Кистере из «Бретера» можно увидеть много черт юного поэта – трепетность, нежность, восторженное отношение к жизни, веру в «идеальную» любовь и дружбу. Не случайно в полку его скоро начинают называть «красной девушкой» [8, с. 36]. Кроме того, Кистер – русский дворянин немецкого происхождения, а Ленский, как известно, прибыл «из Германии туманной», являлся поклонником немецкой философии и литературы. Кистер также увлечен немецкой поэзией – он читает «Идиллию» Клейста, он поэт-романтик. Кроме того, Кистера и Ленского сближает любовь к природе.

В определенной степени правомерно говорить и о сходстве Крупицына с Ленским. Хотя роднит их совсем немного – простота, некоторая наивность и большая душевная теплота, чем у их приятелей. Если герой пушкинского романа – человек, ярко вдохновленный поэзией, верой в существование идеальной, настоящей любви, то персонаж тургеневской повести совсем не таков. Он не очень хорошо образован, ему чужды поэтические порывы, искусства он не чувствует и не понимает, более того, даже не пытается понять. Это тип «среднего», если не сказать пошлого, ординарного человека, обывателя, человека достаточно дружелюбного и мягкого, но только и всего. Возможно, Тургенев описывает один из вариантов развития судьбы Ленского, в случае если бы он не был убит в молодом возрасте. Это тот самый «обыкновенный удел», о котором Пушкин упомянул в своем романе как о возможной судьбе юного поэта, та самая жизнь, которую ведет семейство Лариных. Таким образом, Крупицын – своеобразный вариант Ленского, не убитого на дуэли, а благополучно живущего.

У Лучкова, героя повести «Бретер», мы находим худшие черты Онегина – эгоизм, душевную глухоту и огромное самолюбие. Это резко травмированный вариант пушкинского героя: в отличие от Онегина Лучков необразован, более того, он вообще «не отличался умом» [8, с. 37]. Однако, хорошо сознавая недостаток своего воспитания и образования, Авдей Иванович сначала скрывался под маской презрения к людям, а потом понял, что их «пугнуть нетрудно», и «действительно стал их презирать» [8, с. 37]. Ему нравится, что окружающие боятся его колкостей и насмешек, ему доставляет удовольствие одним своим появлением прекращать «всякий не совсем пошлый разговор» [8, с. 37]. Однако если в Онегине презрение к людям есть следствие череды разочарований и «резкого, охлажденного ума» [8, с. 25], то о Лучкове писатель прямо говорит, что он не может быть разочарованным – он «почти ничего не видал и не испытывал» [8, с. 53], следовательно, его гордость, надменность, презрительное отношение к людям происходят от чувства собственной неполноценности. В Лучкове, как и в Онегине, есть дар воздействия на людей, но воспользоваться он им не может и не умеет.

В полной мере это проявляется в его отношениях с Машей Перекатовой. Что такое любовь, он не знает, Авдею Ивановичу незнакомо и непонятно то искреннее и простое чувство, которое Кистер питает к героине. Его самолюбию

льстит, что Маша доброму, умному, образованному Федору Федоровичу предпочла его – немолодого, некрасивого, неумного человека – лишь потому, что он сумел окружить себя ореолом загадочности, попросту обмануть ее. Более того, Лучков не способен, подобно Онегину, «вчуже чувство уважать» [7, с. 37], он самодовольно хвастается перед Кистером расположением девушки, с удовольствием его дразнит и ранит. Лучков убивает Кистера не из-за любовного соперничества, а потому, что чувствует его духовное превосходство. И это не роковая случайность, а сознательно спровоцированный поединок, спланированная месть. Если Онегин становится «убийцей поневоле» [9], он не хочет смерти Ленского, то Лучков идет на этот шаг совершенно сознательно и спокойно переступает через чужую кровь. Если для Онегина дуэль – поворотный в духовном плане момент, после которого герой иначе оценивает и себя, и жизнь, то для Лучкова это лишь очередной поединок и очередная жертва. Никаких сомнений перед поединком у него не возникает, как и никаких угрызений совести – после.

Вязовнина с Онегиным тоже вроде бы роднит совсем немного: он, как и Лучков, воплощает в себе худшие черты главного героя пушкинского романа – эгоизм, холодность, душевную глухоту. Именно эти качества и приводят к той хандре, той скуке, которую чувствуют герои обоих произведений. Однако Онегин переживает ряд внутренних изменений, становится другим. Вязовнин же статичен, и ни о каком духовном развитии говорить нельзя. Жизнь обоих одинаково пуста и бессмысленна, однако Онегину хватает ума понять это намного раньше, чем Вязовнину. Ведь последний и жениться решает от скуки, от нечего делать, его вовсе не влечет семейная жизнь; кроме того, с самого начала ему не приходит в голову мысль о любви как о чем-то абсолютно важном для человека. Онегину хватило благородства отказаться от Татьяны, когда он не готов был еще признаться себе, что любит ее, и когда он понимал, что не в состоянии разделить с ней свой путь, что он не готов жить семейной жизнью обычного человека. Вязовнина такие мысли не посещают в принципе, на смотрины он ездит даже с некоторым удовольствием, гоняясь за новизной чувств, чтобы чем-то себя развлечь, прикрыть свою душевную пустоту.

Вязовнин сам сравнивает себя с Онегиным [8, с. 346]. Думается, есть в этом сравнении для него некий элемент позерства, самолюбования. Для Тургенева же это способ обозначить важную для него литературную параллель и травестировать пушкинского героя, чтобы осмыслить и возможность существования такого характера в принципе, и его современные метаморфозы.

Таким образом, тургеневский Онегин заключает в себе все самое плохое, что было в Онегине пушкинском. Это мелкий, пошлый, ординарный человек, не способный на великое чувство. Тургенев травестирует пушкинского героя, убедительно доказывая, что в современном мире героям романного масштаба нет места.

Любопытно сопоставить и героинь Пушкина и Тургенева. Если первый рисовал «милый идеал», то второй создает сниженный вариант этого идеала. Писатель не раз подчеркивает «идеальность» Веры как жены, как дочери – она со смирением выносит чудачества своего отца и холодность, отчужденность Вязовнина, сам герой и Крупицын не раз говорят о ней как о прекрасной, идеальной жене. На первый взгляд, между пушкинской Татьяной и тургеневской Верочкой

действительно много общего – обе достаточно скромны, кротки и замкнуты. Кроме того, героини откровенно и честно смотрят на жизнь и на самих себя. Не случайно Верочка, услышав предложение Вязовнина, произносит: «Я вам не пара» [8, с. 364]. Действительно, по образованию и мировоззрению они достаточно далеки друг от друга. И у Веры, в отличие от ее жениха, хватает ума и силы духа это признать.

Однако у героинь Пушкина и Тургенева много различий, носящих принципиальный характер. У Татьяны замкнутость есть следствие напряженной внутренней работы, душевного труда. Вряд ли подобное можно сказать о Верочке, что проявляется хотя бы в ее отношении к чтению. Роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» она прочла по подсказке Вязовнина, и, несмотря на то что он ей понравился, «она не попросила другого» [8, с. 368]. Должно быть, у героини просто нет потребности в чтении, и видимо, нет потребности в душевной работе, которой требует внимательное, вдумчивое чтение.

Конечно, самое главное отличие Татьяны от Веры проявляется в любовных отношениях. Не секрет, что для пушкинской героини любовь – непреходящая ценность, она полюбила раз и навсегда. Верочка же, хотя и была искренне привязана к Вязовнину, вряд ли испытывала к нему глубокие чувства. Она достаточно легко забывает его и соглашается на брак с Крупицыным. Тургенев пишет: «Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству (да и есть ли такие чувства?). Она вышла за Вязовнина без принуждения и без восторга, была ему верна и преданна, но не отдалась ему вся, горевала о нем искренно, но не безумно...» [8, с. 379].

Думается, что это наблюдение позволяет провести параллель скорее между Верой и Ольгой, сестрой Татьяны. Отсутствие внутренней, духовной жизни, душевной самостоятельности, результатом которых и является неспособность на истинные, глубокие чувства, служит доказательством правомерности такого сравнения. Создавая образ Верочки, Тургенев как будто сознательно ставит перед собой цель показать, как зыбки границы между пушкинскими Татьяной и Ольгой, очевидно считая последнюю наиболее жизненным характером в условиях современной действительности. Таким образом, нынешняя Татьяна на поверку оказывается скорее Ольгой.

Итак, в своих ранних повестях Тургенев постоянно обращается к пушкинскому роману. Он переосмысливает характеры и поступки его центральных персонажей, «онегинскую ситуацию», пытается нарисовать варианты развития характеров и судьбы Онегина, Татьяны, Ленского, Ольги, прибегая при этом к их травестированию, но не как к варианту пародии. Травестирование романых героев Пушкина оказывается у Тургенева скорее формой переосмысления, а затем освоения пушкинской традиции, которая была в 40–50-х годах глубоко критически и творчески воспринята писателем.

Summary

T.G. Dubinina. Turgenev's Stories of the 1840–1850s. The Problem of "Eugene Onegin" Tradition in the Writer's Works.

The article deals with the problem of Turgenev's attitude to Pushkin's "Eugene Onegin" expressed in his works of the 1840–1850s. We investigate Turgenev's polemic dialogue with his great predecessor on the example of the stories "The Duellist" and "The Two friends". Turgenev analyses the characters of "Eugene Onegin" in terms of their true-to-lifeness and contemporaneity. Using a travesty technique, the writer critically reinterprets Pushkin's heritage in his stories, which becomes an important step to further carry on the "Onegin" tradition in his novels.

Key words: I.S. Turgenev, stories, "Eugene Onegin", tradition.

Литература

1. *Цейтлин А.* «Евгений Онегин» и русская литература // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 335–364.
2. *Батюто А.И.* Тургенев-романист // Батюто А.И. Избранные труды. – СПб.: Нестор-История, 2004. – С. 315–568.
3. *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев и русская литература. – М.: Просвещение, 1980 – 192 с.
4. *Сквозников В.Д.* Пушкинская традиция. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 216 с.
5. *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. – М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2005. – 249 с.
6. *Бельская А.А.* Пушкинские реминисценции и аллюзии в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. – Орел: Изд-во Орлов. ун-та, 2008. – Вып. 1. – С. 18–28.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. 5. – 527с.
8. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т; Сочинения: в 12 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – 687 с.
9. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С. 472–762.

Поступила в редакцию
29.11.10

Дубинина Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета.

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru